

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Иванов А.А. Климат и капитал: Проблема генезиса капитализма в России в дискурсе "исторического инвайронментализма" // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.2.73454 EDN: CBNZQS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73454

Климат и капитал: Проблема генезиса капитализма в России в дискурсе "исторического инвайронментализма"

Иванов Андрей Александрович

ORCID: 0000-0003-4097-9447

доктор исторических наук

доцент; кафедра гуманитарных наук; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

196084, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 51

✉ ivanovaa85@list.ru

[Статья из рубрики "Мировые финансовые кризисы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.2.73454

EDN:

CBNZQS

Дата направления статьи в редакцию:

22-02-2025

Аннотация: Статья поднимает проблему генезиса капиталистической системы хозяйствования в контексте возможного влияния естественных факторов. Особое внимание в этой связи уделяется поиску вариантов взаимосвязи между климатическими процессами и социально-экономическими явлениями в традиционных обществах. Таким образом, объектом настоящего исследования стали факторы становления индустриального капитализма в европейских странах, а предметом исследования выступает научная дискуссия о роли природных условий в процессе "Великой дивергенции". Автор уделяет внимание истории производства, распределения и потребления сельскохозяйственной продукции в России и Англии для проверки теоретических тезисов отечественных и зарубежных исследователей в области политэкономии, относящихся к направлению "исторического инвайронментализма". Критический анализ доступных на сегодняшний день исторических источников позволяет полнее реконструировать процессы, приведшие к созданию капиталистической

экономики, чем это делалось на начальных этапах научной дискуссии по данному вопросу. Основу методологии проведенного исследования составили положения исторического институционализма, междисциплинарный подход к исследованию социально-экономических явлений и историко-системный метод. В рамках статьи с опорой на классические и современные исследования, а также данные исторической статистики автором оспаривается сложившийся в науке тезис о фундаментальной роли «малого ледникового периода» в отставании российского государства от стран Западной Европы по темпам экономического развития. Предлагаются дополнения к используемым схемам оценивания степени готовности хозяйств к товарному производству и алгоритмам понимания эффективности функционирования политических и экономических институтов, связанных с генезисом капиталистической системы. Автором сделан вывод, что причины «Великой дивергенции» стоит искать в комплексе социальных, а не географических или климатических факторов. Тем самым, дисбаланс в области развития товарного сельскохозяйственного производства в России следует искать не столько в природно-климатической, сколько в социально-технологической области.

Ключевые слова:

дивергенция, природные ресурсы, климат, малый ледниковый период, первоначальное накопление капитала, товарное хозяйство, урожайность, энергетическая ценность, вооруженные силы, традиционное общество

Введение

С того момента, когда благодаря С. Хантингтону в научном дискурсе появилось понятие «великая дивергенция», характеризующее значительное расхождение в уровне социально-экономического развития между странами Запада и остальным миром, множество исследователей направляли свои усилия на поиски объективных причин данного явления. В рамках модернизационного подхода к изучению истории сложилось мнение, что в этом вопросе решающее значение имел более ранний (в сравнении с другими государствами) переход стран Европы к построению индустриального общества капиталистического типа. Собственно, для многих ученых «великая дивергенция» стала лишь частным примером, который облегчает поиск относительно универсальных объяснений причин упадка одних обществ на фоне интенсивного прогресса других. В разные периоды развития научной мысли исследователями высказывались идеи о решающей роли религиозных, политических, гендерных или др. факторов – наряду с ними одной из причин такого расхождения в значительной массе публикаций выступают различные природные феномены.

Широко известен пример с ростом благосостояния города Брюгге в XII–XIII вв. – дело в том, что сильный шторм у побережья Фландрии в 1134 г. привел к образованию залива Звин, неожиданно открывшего европейским купцам новый водный путь в Северное море. Со временем это сделало Брюгге главным морским портом Фландрии. Конечно, нельзя утверждать, что шторм являлся единственным фактором роста влияния данного города – свою роль сыграли и полученные от феодальных властей привилегии, и развитие дружественных связей с Англией, однако «в каузальной цепочке эта причина была, по крайней мере, одной из наиболее эффективных» [\[1, p. 24\]](#). Фактически, возможность взимать высокие торговые пошлины с иностранцев позволила не только ускорить урбанизацию в регионе, но и систематизировать торговое и морское право, осуществлять строительство и починку сухопутных дорог, а также сформировать из

местных жителей социальную прослойку профессиональных купцов, стационарно пребывавших на определенной территории. Подобный мультипликативный эффект от единичного природного явления во многом лег в основу идеи о выдающейся роли естественных факторов в генезисе социально-экономических систем.

Между тем, взаимосвязь между наличием природных богатств и успешностью общества отнюдь не очевидна, поэтому своеобразным связующим звеном между процессами в природе и их непредвиденными последствиями для общественных отношений в таких исследованиях часто служит социальная психология или философия. Одним из широко известных примеров отражения такого рода концептуального видения исторического процесса является известный труд конца XIX в. «Влияние морской силы на историю» за авторством адмирала А. Т. Мэхэна, в котором одно лишь наличие у страны выхода к морю представало недостаточным условием для развития судостроения и заморской торговли. По мнению флотоводца, дополнительно требовалось восприятие моря на уровне «национального характера» не как преграды или защитного барьера, а как источника выгоды военного или экономического характера [2, p. 53]. Впрочем, схожие по смыслу утверждения встречались и в более ранних работах Ш. Монтескье, Э. Реклю, Г. Т. Бокля и др., что со временем привело к появлению научного дискурса, который Ю. Хербст охарактеризовал как «географическую версию социал-дарвинизма» [3], а Дж. Флеминг – как «метеорологический тейлоризм» [4]. Гипотеза, положенная в основу этого направления, состояла в том, что социально-культурные, экономические и политические структуры формируются под воздействием внешних раздражителей, одним из которых выступают неконтролируемые человеком природно-климатические изменения. Отсюда, сторонников этого подхода нередко также именуют «инвайроменталистами».

Обзор исследовательской литературы

Вероятно, наиболее детальную аргументацию эта концепция впервые получила в начале XX в. в работах А. Т. Олмстеда и Э. Хантингтона, отметивших важность климата для формирования ментальности крестьянства. С их точки зрения, представители политической или религиозной элиты, не занятые напрямую сельскохозяйственным производством, могли не испытывать на себе серьезного воздействия природных факторов, влиявших на урожайность. В то же время, рядовые члены аграрных обществ, находясь под перманентным давлением климатических рисков, вынужденно ограничивали себя удовлетворением физиологических потребностей, поэтому их поведенческие паттерны со временем стали ориентированными на низкую толерантность к неопределенности [5]. Соответственно, первопричины внутривнутриполитических кризисов виделись в противоречии между мировоззренческими установками этих социальных групп – например, если правительственные органы отказывались принимать в расчет падение урожайности в ситуации природных катаклизмов, не меняя уровень налогообложения для сельхозпроизводителей. Аналогичным образом – в контексте влияния климатических перемен – описывались и предпосылки религиозных конфликтов, массовых миграций, войн. Как писал Э. Хантингтон, «Чингисхан, возможно, не был более амбициозным и способным, чем другие его одаренные соплеменники, но ему довелось жить в то время, когда его народ был доведен природой до недовольства, благоприятного его устремлениям» [6, p. 226]. То есть, успешность общества напрямую зависела от комбинации трех параметров: климатических изменений, их влияния на менталитет народных масс и способности элит использовать сложившуюся ситуацию для достижения политических или экономических целей.

Схожий методологический подход встречается и в работах А. Л. Чижевского, который в числе прочего отстаивал идею, что изменение солнечной активности в прошлом, накладываясь на особенности мировоззрения широких социальных групп, провоцировало и ускоряло многие общественные процессы. Так, усиление интенсивности электромагнитного излучения Солнца, по его мнению, способно провоцировать у людей, как на индивидуальном, так и на групповом уровне «необычайное состояние психического возбуждения» [\[7, p. 20\]](#). В результате, возникают «психомоторные пандемии» (войны, восстания, революции, погромы и т.д.), во время которых присущая индивидам способность к кооперации и индоктринации искусственно усиливается солнечным излучением. Природные факторы в таком ключе неосознанно используются вождями и идеологами для социальной интеграции и мобилизации, поскольку массы становятся более подверженными различным формам агитации, и ранее непопулярные идеи неожиданно приобретают широкий резонанс в обществе.

Продолжая рассуждения Ш. Монтескье, в 1920-х - 1930-х гг. немецкий психолог В. Гельпах ввел в оборот термин «инвайроментальная психология», посредством которого старался объяснить поведенческие различия между жителями разных стран влиянием на них внешней среды. По его мнению, для обитателей северного полушария характерны трезвость, сдержанность, невозмутимость, выносливость, жесткость и опора на применение разума. В то же время, южане демонстрируют такие черты, как импульсивность, чувственность и умение пользоваться воображением [\[8, s. 429\]](#).

Сторонники рассматриваемого научного направления существуют и сегодня. Скажем, в 2020 г. группой исследователей под руководством Дж. Макконнелла был опубликован труд с аргументацией интересной идеи о связи краха Римской республики с извержением вулкана Омок на Аляске [\[9\]](#). По мнению авторов статьи, политические конфликты в Риме после убийства Юлия Цезаря привели республиканскую систему к кризису на фоне неурожая и голода, вызванных резким похолоданием. Причиной же этого похолодания и было извержение вулкана в 43 г. до н.э. из-за чего в стратосферу попало большое количество серы, а ее диоксид способен отражать солнечные лучи, снижая общую температуру планеты. Таким образом, комбинация политических и климатических факторов привела к смене в Риме формы правления.

Хотя идея о климате, как доминанте общественного развития была подвергнута сомнению С. Ф. Маркемом еще в середине XX в. [\[10, p. 17-19\]](#) в контексте чрезмерной длительности соответствующих процессов в природе, инвайроменталистские наработки смогли сохранить актуальность, будучи дополнены теоретическими построениями французской исторической школы «Анналов». Ключевую роль в этом, вероятно, сыграл тезис Ф. Броделя о существовании «длительной временной протяженности», то есть исторической реальности достаточно устойчивой к изменениям. В таком ракурсе, конкретные события являются лишь отражением многовековых трендов, поэтому изучать их нужно не изолированно друг от друга, а в контексте глобальных процессов. При исследовании долгосрочных трендов, выходящих за рамки правления конкретного лидера или даже существования одного поколения, историкам предлагалось сосредоточить взгляд на глубинных тенденциях: геоэкономике, менталитете и т.д. [\[11\]](#).

Следуя методологии подобных произведений можно было бы утверждать, что генезис промышленного капитализма (или парламентаризма, индивидуализма и т.д.) на Западе имел истоки в событиях природно-климатического характера. В частности, сторонниками этой версии являются российские специалисты Р. М. Нуреев и Ю. В. Латов. Несколько избирательно используя идеи и наработки академика Л. В. Милова, названные авторы

отстаивают тезис, что дивергенция между странами Западной Европы и Московской Русью (как частный случай «великой дивергенции») была вызвана влиянием так называемого «малого ледникового периода» XIV–XVII вв. Сопоставив на основе доступных источников количество наводнений и засух в Англии и на Руси в данный период, был сделан вывод о критическом влиянии глобального похолодания на условия аграрного производства в Московии (природных катаклизмов в России было в 4–4,5 раза больше в сравнении с Англией). Как следствие, отечественное крестьянское хозяйство показывало меньшую среднюю урожайность (сам-3 против сам-5 в Европе), а значит – не имело излишков для перехода к товарному производству и не давало возможности освободить достаточную долю населения от сельскохозяйственных работ для формирования рабочего класса. Более того, со временем в российской ментальности укоренился формат авральной хозяйственной деятельности, не всегда гарантировавшей предсказуемый результат [\[12\]](#).

В этой концепции видятся отголоски идей Э. Хантингтона, полагавшего, в числе прочего, что рабовладельческий строй не смог получить в северных штатах США такого же развития, как на юге страны, не в силу морально-этических ограничений, а ввиду того, что климат региона делал эту систему эксплуатации экономически невыгодной [\[13, p. 41\]](#). То есть, природно-климатические особенности были способны обеспечивать блокировку определенных сценариев социально-экономического развития.

Несмотря на внешнюю логичность и последовательность, при ближайшем рассмотрении такого рода тезисы отечественных исследователей наталкиваются на целый ряд противоречий.

Контраргументы

Во-первых, сравнение Московского царства с Англией уже является не совсем корректным, принимая в расчет кратную разницу между странами в площади территории и специфику территориальной организации населения. Так, подсчет абсолютного количества засух и наводнений не учитывает того обстоятельства, что в русских землях они носили не повсеместный, а локальный характер – вызванный природными катаклизмами голод, как правило, упоминается в разные годы отдельно в Киеве, Новгороде, Чернигове, Твери, Пскове, Галиче и т.д. При этом площадь одного только Черниговского княжества была значительно больше всего Английского королевства. Уже А. Каган обращал внимание, что до XIII в. голод как общерусская проблема упоминается только единожды (в 1094 г.). В последующие столетия повсеместный характер он носил не так уж часто: в XIII в. – суммарно 6 лет, в XIV в. – 7 лет, в XV в. – 10 лет, в XVI в. – 9 лет, в XVII в. – 8 лет [\[14, s. 366–372\]](#), а одной из причин выступали не только и не столько климатические, а эпидемиологические кризисы.

Во-вторых, стоит учитывать особенности источниковедческой трактовки материалов летописей и хроник, которые редко бывали статистически точны и не должны восприниматься буквально. Описание социально-экономических последствий природных катаклизмов накладывается на специфику языка автора источника – то есть, в письменных документах часто фиксируются только те события, которые по своим параметрам выходят за рамки повседневности, поэтому при сравнении описаний засух, пожаров или наводнений в разных странах нужно учитывать образ и привычные условия жизни местного населения. Данные органов власти в этой связи тоже не всегда носят достоверный характер – к примеру, господствовавший в Московском государстве XVI–XVII вв. механизм оценки количества и качества землевладений отличался крайней

неточностью. Даже объем собранного в стране урожая с трудом поддавался однозначному подсчету, поскольку для этой цели часто использовались локальные меры веса, отличавшиеся от принятых в других местностях. К слову, такая проблема существовала и Европе – известно, что мера объема «пинта» при одинаковом названии в разных городах Франции имела разные значения (от 0,93 до 3,33 л), а мера длины ткани под названием «он» различалась в зависимости от типа измеряемого ей материала.

В-третьих, переход от натурального хозяйства к товарному следует изучать не через призму исключительно урожайности зерновых – этот показатель стоило бы дополнить, как минимум, еще несколькими индикаторами: уровнем потребления калорий на душу населения, спецификой распределения урожая и темпами прироста населения. Только интегральная оценка позволяет понять степень реализации потребностей в продовольствии внутри страны.

Речь о том, что хотя в Западной Европе именно на хлеб приходилось 70–90% потребляемых калорий, в других странах структура потребления могла включать не только пшеницу, рожь или ячмень, но и иные продукты, особенно если учесть, что именно система питания для многих традиционных обществ являлась важнейшим параметром этнокультурной идентичности. К примеру, новгородские писцовые книги XVI в. демонстрируют достаточно большое разнообразие продуктов в рационе местных крестьян – вместо хлеба часто употреблялись в пищу баранина и говядина, рыба и дичь, мед. В таком ракурсе, при достаточном потреблении среди основной массы населения продуктов животного происхождения, объем зерновых, доступных для продажи или выплаты натуральных повинностей, может быть большим даже при относительно невысокой урожайности.

Собственно, на это обстоятельство и обратил внимание итальянский медиевист М. Монтанари в монографии «Голод и изобилие» [\[15\]](#). По его данным, в условиях высокого социально-экономического расслоения в доиндустриальной Европе рост урожайности долгое время не находил отражения в улучшении благосостояния крестьян. Видимость товарного характера хозяйства обеспечивалась самоограничением потребностей деревенских жителей – на продажу поставлялись наиболее дорогие категории продуктов, а сами крестьяне употребляли в пищу крайне ограниченное количество хлеба, причем сделанного из наименее качественной муки. То есть, в торговле наблюдался феномен, близкий к так называемому «голодному экспорту».

Применительно к английскому сельскому хозяйству этот эффект виден в кратной разнице в площади посевов дорогой пшеницы и более дешевой ржи. Если в начале XVI в. преимущество пшеницы составляло 4,1 раза, то к середине XVII в. при увеличении общей площади обрабатываемой земли – уже 5,1 раза [\[16, p. 35\]](#). При этом Англия дополнительно удовлетворяла потребности элиты и среднего класса в продовольствии во многом за счет внешней торговли – регулярными были поставки сыров, рыбы, овощей и фруктов из Италии, Голландии, Фландрии, а также масла, сахара и орехов из Нового Света [\[17, p. 287-291\]](#). Зерно же было выгоднее экспортировать, чем продавать на внутреннем рынке, что впоследствии нашло отражение в целом ряде актов Парламента 1660-х – 1680-х гг. по государственному регулированию цен и борьбе со спекуляциями в этой области. Соответственно, до этих годов представители социальных низов на Британских островах испытывали не менее катастрофические последствия неурожая (например, в 1594–1597 или 1646–1647 гг.), чем подданные Московского царства, которое и не прибегало к импорту продовольствия.

Аналогично, и во Франции даже на рубеже XVII–XVIII вв. показатель энергетической ценности потребляемой пищи на душу населения равнялся лишь 1657 ккал в сутки против 2095–2229 ккал в Англии и 2200–2400 ккал в Московии XVI–XVII вв. Хотя урожайность «парижского бассейна» в среднем действительно равнялась сам-5, а так называемый «беспашенный» период в стране составлял всего два зимних месяца в году, целый ряд провинций (например, расположенный на юге Лангедок) демонстрировали урожайность не более сам-3 [\[11, p. 122\]](#). К тому же, хранение и превращение зерновых в пищу предполагало существенные издержки, учитывая несовершенство применявшихся технологий – доля потери урожая на этапах хранения и переработки в хлеб могла составлять от 30 до 54% [\[18\]](#), что делало растениеводство не самым надежным источником энергии. Получалось, что более богатый урожай создавал дополнительные сложности и вел к большему проценту потерь. Так, при пересчете потребления калорий с учетом этих показателей и затрат на содержания скота, английский подданный XIV–XVII вв. в среднем довольствовался лишь 1760–1877 ккал в сутки, то есть ниже физиологической нормы.

Влияние «маундеровского минимума»

Особенно интересна в данном отношении вторая половина XVII в., так как именно с 1640-х до 1710-х гг. наблюдался так называемый «маундеровский минимум» солнечной активности. Характерно, что ситуацию в отечественном сельском хозяйстве в эти годы иностранные путешественники описывали как весьма позитивную. Скажем, А. Олеарий указывал, что русские крестьяне были «уверены в ежегодном богатом урожае», хорошо и разнообразно питались [\[19, p. 48\]](#). Втори́ли ему хорват Ю. Крижанич и голландец Я. Стрюйс. Косвенным подтверждением их утверждений служит широкое распространение в Московском царстве домового винокурения, о чем свидетельствует целый ряд запретов данной деятельности со стороны властей. Следуя принципу, что экономия энергии в одной отрасли увеличивает ее потребление в других отраслях, можно заключить, что если после удовлетворения базовых физиологических потребностей в распоряжении индивида остаются излишки пшеницы, ржи или ячменя, альтернативой их продаже является производство продукции, не связанной напрямую с поддержанием жизнедеятельности организма. Соответственно, широкое производство алкогольных напитков частными лицами на основе зерновых (так называемого «хлебного вина») в определенной степени может служить подтверждением способности крестьян удовлетворять потребности в пище с привлечением продуктов животноводства, охоты и собирательства.

Применительно к Англии этого периода наблюдались сходные процессы – растениеводческий сектор в 1650–1700 гг. демонстрировал небольшое увеличение собираемости зерновых культур по сравнению с предыдущим пятидесятилетием: пшеницы – на 7,8%, ячменя – на 8,7%. Урожайность овса и бобов практически не изменилась, а падение наблюдалось только у ржи – на 11,1%. В то же время, если средняя производительность труда в английском сельском хозяйстве снижалась на протяжении 1475–1650 гг., именно в период «маундеровского минимума» она показала заметный рост [\[20, p. 48\]](#). При этом увеличение объемов сельхозпроизводства для Англии обернулось в начале XVIII в. так называемой «джиноманией», когда массовое потребление населением алкогольных напитков на основе зернового спирта повлекло за собой рост смертности и преступности. То есть, с проблемой алкоголизма, обусловленной наличием в стране достаточного количества излишков продукции растениеводства, Московия столкнулась даже раньше Англии.

В свете подобных обстоятельств, ряд положений «инвайроменталистской» трактовки можно считать не соответствующими действительности, что вполне подтверждается некоторыми современными исследованиями – например, подсчеты М. Уолдингер касательно связи между погодно-климатическими изменениями и индикаторами социального развития в Европе во время «малого ледникового периода» показали, что повышение сезонных температур в этот период почти не отражалось ни на ценах на пшеницу, ни на росте торговых городов [\[21, p. 2293, 2307\]](#). Более того, широко известны случаи, когда именно похолодание становилось фактором получения прибыли. Скажем, прославленный мастер А. Страдивари смог добиться высокого качества своих скрипок, гитар и виолончелей в немалой степени благодаря материалам, из которой они изготавливались. В частности, в период творчества известного итальянца «маундеровский минимум» способствовал изменению структуры древесины, что привело к появлению у нее новых акустических свойств [\[22\]](#). Это обеспечило уникальность звучания созданных А. Страдивари музыкальных инструментов и их высокую стоимость, за счет чего мастер скопил немалое состояние.

Также обратим внимание на то, что одним из косвенных индикаторов эффективности сельскохозяйственного производства прошлых обществ может являться их способность содержать «непроизводящих членов» социума, «свободных от необходимости самим выращивать пищу» [\[23, p. 30\]](#) – в частности, военнослужащих. Так, к концу XVI в. английская армия насчитывала примерно 80 тыс. пехотинцев и 16 тыс. кавалеристов, а действующая русская армия периода царствования Ивана Грозного (оценки историков в этом вопросе сильно разнятся) достигала около 60 тыс. человек, половина из которых – это дворянская поместная конница. Несмотря на отставание Московской Руси от Англии по общему числу воинов, заметно ее превосходство в коннице, а ведь содержание кавалерии требовало более существенных продовольственных затрат, чем пехоты, поскольку верховая лошадь потребляла порядка 9000 ккал в сутки – вдвое больше нормы для британского моряка той эпохи. При этом рацион лошади состоял в основном из овса, урожайность которого в России XVI–XVII столетий (как и в Англии на протяжении 1250–1699 гг.) редко превышала сам-3, но этого вполне хватало для обеспечения потребностей вооруженных сил, сопоставимых с западноевропейскими армиями. Разница между странами заключалась, вероятно, в том, что лошади в Московском царстве представляли интерес с военной точки зрения и использовались в основном дворянами, а на Британских островах в тот же период происходила их интеграция в сферу крестьянского труда. В частности, с 1550 по 1699 гг. число используемых английскими крестьянами лошадей увеличилось примерно на 60%, а в абсолютных показателях – на 150000 [\[20, p. 41\]](#). Отсюда, британское сельское хозяйство имело перед российским преимущество в широком применении тяглового скота – этот аспект отражал не климатические особенности стран, а специфику общественно-политических процессов, то есть структуру баланса потребностей верховной власти и подданных-производителей. В этой связи нельзя не вспомнить, что британская «аграрная революция» XVIII в. в своей основе имела именно внедрение более совершенных орудий труда, распространение новых сельскохозяйственных культур, селекцию и т.д., не будучи прямо связанной с природными процессами.

Еще одной важной категорией «непроизводящих членов» социума были малолетние дети. С одной стороны, деторождение для аграрных обществ было выгодно в том смысле, что своим трудом после достижения совершеннолетия ребенок не только окупал затраты на его содержание и воспитание, но и мог приносить семье существенную выгоду. Однако этот механизм эффективно функционировал только при условии, что ребенок

доживал до трудоспособного возраста и активно участвовал в сельскохозяйственной или ремесленной деятельности – в противном случае, семья несла продовольственные издержки на детей без возможности их компенсировать. Если учесть, что часть трудовых функций ребенок мог начинать исполнять уже в 6–7 лет, его преждевременная смерть до этого момента была равнозначна экономическим потерям для домохозяйства. С другой стороны, при невозможности прокормить детей до достижения данного возраста вероятным мог быть филицид, что учитывалось в законодательстве – и Соборное Уложение 1649 г., судя по тяжести наказания, демонстрировало большую толерантность к данному явлению, чем британское право. Это могло бы дать основания утверждать, что филицид на фоне голода был более распространен в Московском царстве.

Тем не менее, современные данные позволяют установить отсутствие принципиальной разницы между Россией и Англией в XVII в. в уровнях детской смертности – в обеих странах он составлял примерно 30–33% [\[24, p. 218; 25, с. 185\]](#), несмотря на декларируемую разность в объеме доступного продовольствия. Вдобавок, суммарная численность населения лишь Европейской части России была в середине XVII в. не только больше, чем в Англии, но и показала рост за вторую половину столетия – с 7 до 9,6 млн. человек [\[26, с. 316\]](#), в то время как английские демографические показатели за тот же период практически не изменились. Хотя число подданных в Англии с 1650 по 1700 гг. сократилось лишь на 0,02–0,04%, снижение доли сельских жителей было куда значительнее – с 61,2% до 53,3% населения (в абсолютных показателях страна потеряла около 470000 крестьян). Мало того, в годы снижения солнечной активности при одновременном уменьшении числа сельхозпроизводителей, количество рабочих дней в году в среднем на семью по сравнению с серединой XV в. выросло на 52,3% [\[20, p. 51, 55\]](#).

Получается, что «мандеровский минимум» не привел русские земли к кризису, и сельское хозяйство в Московии в годы похолодания было все же развито достаточно для того, чтобы обеспечивать демографический рост даже с учетом продовольственных затрат на умерших в нетрудоспособном возрасте. Что же до Англии – если климатические изменения и могли оказать влияние на ускорение урбанизации и индустриализации, то это происходило за счет ухудшения положения в аграрном секторе, а не повышения урожайности в сравнении с другими государствами. Фактически, британские крестьяне во второй половине XVII в. оказались вынуждены прикладывать больше усилий для извлечения прибыли, чем ранее, что объясняет сокращение и численности населения, и переезд из сельской местности в города, и стимулов к инновациям.

Выводы

Весьма вероятно, что дисбаланс в области развития товарного сельскохозяйственного производства в России следует искать не столько в природно-климатической, сколько в социально-технологической области. Проблема необеспеченности крестьян качественным инвентарем (особенно на фоне дефицита железа в стране), сложная эпидемиологическая обстановка и череда политических кризисов играли не меньшую роль. Отсюда, природно-климатические факторы не стоит ставить в первый ряд причин первоначального накопления капитала.

По всей видимости, одной из проблем в теоретических построениях сторонников «исторического инвайроментализма» напрямую связывающих природно-климатические процессы с генезисом социальных систем, является ограниченное видение моделей

взаимодействия человека с окружающей средой. Этот подход базируется на низведении индивидуальной и групповой активности до уровня приспособления к природным условиям при полном им подчинении, хотя даже для доиндустриальных обществ данная модель далеко не всегда была актуальна. Так, Ч. Р. Драйер в статье «Генетическая география» 1920 г. обращал внимание на разность в поведении переселенцев, прибывших в штат Индиана из Виржинии и Новой Англии [27, p. 9]. В его интерпретации, представители разных этнических групп, оказавшись вместе в одинаково непривычных им природных условиях, по-разному реагировали на эти условия. Впоследствии это утверждение нашло подтверждение в результатах полевых исследований антропологов Ф. Стродтбека и Ф. Клакхон [28] показавших, что модель «подчинения природе» для традиционных сообществ являлась лишь одной из возможных – наряду с жизнью в гармонии с природой и доминированием над ней.

Приведенные аргументы позволяют утверждать, что дивергенция в диаде Россия – Европа не может быть полностью объяснена влиянием природно-климатических факторов. Они не дали странам Запада на фоне глобального похолодания каких-либо значимых преимуществ перед другими государствами, которые позволили бы легче и проще перейти к массовому индустриальному производству. Природно-климатические процессы, без сомнения, могут оказывать влияние на развитие общества на событийном уровне, но в «длительной временной протяженности» они неспособны породить эффекты, сопоставимые с «великой дивергенцией». «Малый ледниковый период» не мог оказать влияние на скорость складывания капиталистических отношений в разных регионах мира ввиду наличия у членов большинства сообществ способности не поддаваться воздействию географических, климатических, даже биологических условий существования. Это находило свое выражение в формировании системы социальных институтов, технологий и способов производства, обладавших свойством не только компенсировать недостатки внешней среды, но и конвертировать эти недостатки в драйверы социально-экономического прогресса. Отсюда, «малый ледниковый период» мог оказать тормозящее влияние лишь на небольшое число сообществ, в которых полная зависимость индивидов от природы обеспечивалась системой искусственной блокировки инноваций, поэтому причины экономического расхождения в мире все же стоит искать в комплексе социальных, а не природных факторов.

Библиография

1. Bloch M. The Historian's Craft. New York: Vintage Books, 1964.
2. Mahan A.T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660-1783. Boston: Little, Brown & Co., 1890.
3. Herbst J. Social Darwinism and the History of American Geography // Proceedings of the American Philosophical Society. 1961. Vol. 105. № 6. P. 538-544.
4. Fleming J. Climates of Opinion: Understanding Climate Change from the Enlightenment to Global Warming. New York: Oxford University Press, 1998.
5. Olmstead A.T. Climate and History // Journal of Geography. 1912. Vol. 10. № 5. P. 163-168. DOI: 10.1080/00221341208985675.
6. Huntington E. Climatic Change and Agricultural Exhaustion as Elements in the Fall of Rome // The Quarterly Journal of Economics. 1917. Vol. 31. № 2. P. 173-208. DOI: 10.2307/1883908.
7. Thcijevsky A.L. Physical Factors of the Historical Process // Cycles. 1971. Vol. 22. P. 11-27.
8. Hellpach W. Einführung in die Völkerpsychologie. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1938.
9. McConnell J.R. Extreme climate after massive eruption of Alaska's Okmok volcano in 43

- BCE and effects on the late Roman Republic and Ptolemaic Kingdom // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117. № 27. P. 15443-15449. DOI: 10.1073/pnas.2002722117. EDN: IDFFOB.
10. Markham S.F. Climate and the Energy of Nations. New York: Oxford University Press, 1947.
11. Braudel F. Civilization and Capitalism, XV-XVIII century. Vol. I. London: William Collins Sons & Co Ltd., 1981.
12. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // Мир России. 2011. № 4. С. 24-59. EDN: OPJRNБ.
13. Huntington E. Civilization and Climate. New Haven: Yale University Press, 1924.
14. Kahan A. Natural Calamities and Their Effect upon the Food Supply in Russia (An Introduction to a Catalogue) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1968. Bd. 16. H. 3. S. 353-377.
15. Montanari M. La fame e l'abbondanza: storia dell'alimentazione in Europa. Roma: Laterza, 1997.
16. Broadberry S., Campbell B., Klein A., Overton M., van Leeuwen D. British Economic Growth: 1270-1870: Working Paper. Coventry: University of Warwick, 2010.
17. McGrath P. Merchant and Merchandise in the Seventeenth Century Bristol. Bristol: Bristol Record Society, 1955.
18. Campbell B.M.S., Bartley K.C., Power J.P. The Demesne-Farming Systems of Post Black Death England: A Classification // Agricultural History Review. 1996. Vol. 44. № 2. P. 131-179.
19. Olearius A. The voyages and Travels of the Ambassadors Sent by Frederick, Duke of Holstein, to the Great Duke of Muscovy and the King of Persia. London: Printed for John Starkey, and Thomas Basset, 1669.
20. Apostolides A., Broadberry S., Campbell B., Overton M., van Leeuwen B. English Agricultural Output and Labour Productivity, 1250-1850: Some Preliminary Estimates. Coventry: University of Warwick, 2008.
21. Waldinger M. The Economic Effects of Long-Term Climate Change: Evidence from the Little Ice Age // Journal of Political Economy. 2022. Vol. 130. № 9. P. 2275-2314. DOI: 10.1086/720393. EDN: HCHXNQ.
22. Burckle L., Grissino-Mayer H.D. Stradivari, Violins, Tree Rings, and the Maunder Minimum: a Hypothesis // Dendrochronologia. 2003. Vol. 21. № 1. P. 41-45. DOI: 10.1078/1125-7865-00033. EDN: LWIXVT.
23. Diamond J. Guns, Germs and Steel: the Fate of Human Societies. New York: W.W. Norton & Company, 1999.
24. Newton H. The Dying Child in Seventeenth-Century England // Pediatrics. 2015. Vol. 136. № 2. P. 218-220. DOI: 10.1542/peds.2015-0971.
25. Ширококов И.Г. Возрастное распределение умерших в России XVII-XIX вв.: обманчивая палеодемография // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 180-196. DOI: 10.17223/2312461X/26/9. EDN: DSMRPF.
26. Миронов Б.Н. Развитие без мальтузианского кризиса: гиперцикл российской модернизации в XVIII - начале XX в. // О причинах русской революции. М.: ЛКИ, 2010. С. 285-350. EDN: ZRYQ SJ.
27. Dryer C.R. "Genetic Geography": The Development of the Geographic Sense and Concept // Annals of the Association of American Geographers. 1920. Vol. 10. P. 3-16.
28. Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in Value Orientations. Westport CT: Greenwood Press, 1961.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу роли климатических факторов в формировании капиталистических отношений в России в контексте «великой дивергенции» — расхождения социально-экономического развития России и Западной Европы. Авторы фокусируются на критике инвайронменталистского подхода, который связывает генезис капитализма преимущественно с природно-климатическими условиями, и предлагают альтернативную интерпретацию, указывая на первостепенную роль социально-технологических и институциональных факторов. В качестве ключевого примера рассматривается влияние так называемого Малого ледникового периода (XIV–XVII вв.) на аграрное производство и его последствия для экономики Московского царства.

Авторы применяют сравнительно-исторический метод, сопоставляя данные по социально-экономической истории России и Англии, а также опираются на междисциплинарный подход, включающий климатологию и экономику. Использование статистических данных (прежде всего по урожайности, демографическому развитию, энергетической ценности рациона) и критический разбор исторических источников усиливают доказательную базу. Однако методология вызывает вопросы в части репрезентативности примеров: сравнение ограничено Англией, тогда как включение других европейских регионов (например, Франции или германских земель) могло бы обогатить анализ.

Тема статьи актуальна в свете растущего интереса к климатическому детерминизму в исторических исследованиях, особенно в контексте современных дискуссий о влиянии глобального потепления на общество. Авторы удачно вписываются в тренд переосмысления классических теорий «великой дивергенции», предлагая достаточно взвешенную альтернативу инвайронментализму, хотя связь с современными экологическими вызовами остаётся неявной.

Новизна исследования заключается в критическом пересмотре роли климата как доминирующего фактора социально-экономического развития. Тема богатая литературой, но от этого не менее важны ревизионистские подходы к исследованию. Авторы демонстрируют, что даже в условиях Малого ледникового периода Московское царство демонстрировало устойчивость аграрного сектора, а демографический рост и военная мощь не уступали европейским аналогам. Введение в научную дискуссию данных о калорийности рациона и особенностях животноводства в России XVI–XVII вв. также обогащает дискуссию.

Статья структурирована логично. Стиль академичный, но доступный. Библиография широкая: от классических трудов Ф. Броделя и Э. Хантингтона до современных работ по климатологии и экономической истории. Однако замечен перекося в сторону англоязычных источников — привлечение отечественной историографии могло бы усилить аргументацию.

Авторы последовательно критикуют сторонников инвайронментализма, указывая на их недооценку социальных и технологических факторов. Контраргументы, такие как локальный характер природных катаклизмов в России или неточности в источниках, выглядят убедительно. Однако слабым местом остаётся недостаточный учёт региональной специфики внутри России (например, различий между Новгородом и Черниговом), что могло бы стать точкой критики со стороны оппонентов.

Главное достоинство статьи — комплексный подход — сочетание климатических,

экономических и социальных данных, которые создают многомерную картину. Главный недостаток статьи — избирательность сравнений — фокус на Англию игнорирует другие европейские страны, что снижает репрезентативность выводов.

Основной вывод статьи — преобладание социально-технологических факторов над климатическими в генезисе капитализма — обоснован эмпирически и методологически. Однако авторы не до конца раскрывают, как именно институты и технологии компенсировали климатические ограничения. Тезис требует дополнительной проработки, особенно в контексте сравнения с другими регионами мира.

Статья будет востребована среди историков, экономистов и экологов, занимающихся междисциплинарными исследованиями. Её критический подход к климатическому детерминизму делает её ценной для академических дискуссий, но узкая специализация может ограничить интерес широкой аудитории.

Статья «Климат и капитал: Проблема генезиса капитализма в России в дискурсе "исторического инвайронментализма"» соответствует научным стандартам и вносит вклад в дискуссию о причинах «великой дивергенции», рекомендую её к публикации в журнале «Конфликтология / nota bene» (желательно с уточненным названием «Климат и капитал» — в данном случае оказываются не более, чем публицистическим оборотом).